

Библиотека для чтения

Том 20

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б59

Б59 Библиотека для чтения: Том 20 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 908 с.

ISBN 978-5-517-91363-0

«Библиотека для чтения» - ежемесячный журнал «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод», выходивший в Петербурге в 1834-1865 годах. Издавался с 1834 года А.Ф.Смирдиным. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1836 года

ISBN 978-5-517-91363-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

УНДИНА.

Всѣ наши читатели помнят прелестные отрывки, которые мы дали изъ первыхъ трехъ главъ этой поэмы въ сентябрѣ 1835 года. Для лучшаго уразумѣнія того, что слѣдуетъ, мы просимъ прочесть, во-первыхъ, часть «Ундины», напечатанную въ двадцатъ пятой книжкѣ Б. для Ч. (томъ XII), во-вторыхъ, статью «Баллады народовъ Скандинавскихъ», которая недавно была помещена въ тридцатъ пятой книжкѣ (томъ XIX, Смѣсь, стр. 30).

«Вотъ ужъ болѣе недвѣя, какъ я въ тотъ вольный имперскій Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣсомъ, пріѣхалъ: Тамъ былъ турниръ, и рыцари копьѣ ломали усердно. Я не щадилъ ни себя ни коня. Подошедши къ оградѣ

Поля, что-бы отдохнуть отъ веселой работы, я шлемъ свой
 Силъ, и отдалъ его щитоносцу; и въ эту минуту
 Вижу на ближнемъ алтанѣ дѣвицу, въ богатомъ уборѣ,
 Чудной прелести: это была молодая Бертальда,
 Мнѣ сказали, питомица знатнаго герцога, въ ближнемъ
 Замкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ ласковымъ видомъ
 Смотритъ она на меня, и во мнѣ загорѣлась двойная
 Болрость. Усердно бился я прежде, но съ этой минуты
 Дѣлю пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ нею одною
 Я танцевалъ; и такъ продолжалось во всѣ остальные
 Дни турнира. — Въ эту минуту почувствовалъ рыцарь
 Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ; оглянувшись,
 Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными зубками стиснувъ
 Палець ему, сердито нахмурила бровки, и въ глазкахъ,
 Ярро свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ, на Гульбранда
 Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она ему погрозила
 Пальцемъ, потомъ вздохнула; потомъ наклонила головку.
 Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту; потомъ онъ раз-
 сказъ свой

Такъ продолжалъ: Бертальда прекрасна, нельзя не при-
 зваться,

Но черезчуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ во второй разъ
 Нравилась менѣ она чѣмъ въ первый, а въ третій разъ менѣ,
 Чѣмъ во второй. Однако мнѣ показалось, что боль
 Прочихъ былъ я ею замѣченъ, и это мнѣ льстило.

Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее попросить, чтобъ перчатку
 Мнѣ свою подарила она. — Подарю, отвѣчала
 Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если осмѣлишься, рыцарь,
 Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ нашъ, и върныя
 вѣсти

Мнѣ принесешь о томъ, что въ немъ происходитъ. — Перчатка
 Мнѣ дорога не была; но было бы рыцарю стыдно
 Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я согласился.

— Развѣ тебя не любила она? спросила Ундина. —

Я ей нравился, рыцарь отвѣтствовалъ: такъ мнѣ казалось.

— О, такъ она сумасшедшая, вскрикнула громко Ундина,
 Съ радостнымъ смѣхомъ захопавъ въ ладоши. Кто жъ не-
 безумный

Съ мнѣмъ себя разлучить, и его добровольно въ волшебный

Льсъ на опасное дѣло пошлеть? Отъ меня бѣ не дождался
 Этотъ льсъ такой неслыханной почести. — Рано
 Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ улыбувшись Ун-
 динъ,

Я отправился въ путь. Спсхойно сіяли деревья
 Въ блескъ зари, полосами летавшемъ на зелени дерна;
 Было свѣжо; благовонные листья такъ сладко шептались,
 Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный, что я поневолю
 Злился на глупыхъ людей, которымъ страшилища въ рай-
 скомъ

Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въѣхалъ я въ чашу;
 Мало-по-малу все стало пустынно и тихо; густѣя,
 Льсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ-будто хватая
 Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь возвратный
 Путь потерять, я коня удержалъ; посмотрѣть, высоко ли
 Было солнце, хотѣлъ я; глаза поднимаю — и что же
 Вижу? Черное что-то колышется въ вѣтвяхъ дубовыхъ.
 Я подумалъ, что то былъ медвѣдь. Обнажаю поспѣшно
 Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ, взгля-
 вымъ,

Мнѣ закричали: кстатѣ пожаловалъ; милости просимъ;
 Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было на чемъ намъ
 Вапу милость изжарить. Потомъ, съ отвратительно дикимъ
 Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашумѣло
 Вѣтвями дуба, что конь мой, шерахнувшись, бросился мимо
 Въ скачъ, и я не успѣлъ разглядѣть, какой тамъ гнѣздился
 Дьяволъ. При имени этомъ рыбакъ и старушка съ молитвой
 Перекрестились; Ундина жъ тихонько шепнула: всего здѣсь
 Лучше по-моему то, что ты не пзжаренъ, мой милый
 Рыцарь, и то, что ты съ нами. Рассказывай далѣе. Конь мой
 Мчался какъ бышенный, рыцарь сказалъ: имъ владѣть не
 имѣлъ я

Силы. Вдругъ передъ нами стремнина, — и скачетъ со мной онъ
 Прямо въ нее; но въ самое это мгновеніе кто-то
 Длинный, огромный, съдой, персертзавши нашу дорогу,
 Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился, и конь, отшатнув-
 шись,

Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюся, — что же?
 Мой спаситель былъ не съдой великанъ, а блестящій

Пьяный ручей, бвжавшій съ холма. — Благодарствую, милый,
 Добрый ручей, закричала, захлопавъ въ ладоши, Ундина. —
 Тяжко вздохнувъ и нахмурясь, рыбакъ покачалъ головою,
 Рыцарь рассказывалъ далѣ: собравъ повода, укрѣпился
 Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ человѣчекъ
 Рядомъ съ конемъ, отвратительный, грязный горбунь, зем-
 ляного

Цвѣту лице, и носъ огромный такой, что, казалось,
 Былъ онъ длиною со все остальное тѣло урода.
 Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ ногами,
 Гнулся въ дугу..... я его оттолкнулъ, и коня повсрнувши,
 Былъ готовъ пуститься въ обратный путь — ужъ склонилось
 Солнце, покуда я мчался, далеко за нѣмденъ — но карликъ,
 Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегися,
 Я закричалъ, раздавлю. Но уродъ, изковеркавшись снова,
 Началъ визжать: заплати за работу; ты въ пропасть
 Вмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы не я подвернулся.
 Лжешь ты, кривляка, сказалъ я: не ты, а этотъ источникъ,
 Насъ сохранилъ отъ паденья. Но вотъ тебѣ деньги; оставь
 насъ,

Дай дорогу. И бросивъ одну золотую монету
 Въ шапку уроду, поѣхалъ я шибче. Но снова явился
 Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; конь скачетъ; но съ
 боку

Скачетъ и карликъ, кривляясь, коверкаясь, съ хохотомъ, съ
 визгомъ,

Высунувъ красный съ локоть длиною языкъ. Чтобъ скорѣе
 Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую монету
 Въ шапку ему; но, съ хохотомъ дикимъ оскаливши зубы,
 Началъ кричать онъ: поддѣльное золото! золота много
 Есть у меня; погляди, полюбуйся. И въ эту минуту
 Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная утрсба;
 Дернъ изумрудомъ прозрачнымъ сдѣлался; взоръ мой сво-
 бодно

Могъ сквозь него проникать въ глубину; и тогда мнѣ от-
 крылась

Область подземная Гномовъ: они гомозились, роились,
 Комкались въ клубы, вились, развивались; сгребали металлы,
 Сыпали въ кучи рубинъ и сафиръ и смарагдъ, и пускали

Вихри песку золотого другъ другу въ глаза. Мой спутникъ
 Быстро метался то внизъ то вверхъ; и ему подавали
 Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со смѣхомъ,
 Каждый онъ въ бездну бросалъ, и, изъ пропасти въ пропасть
 со звономъ

Падая, всѣ въ глубинѣ исчезали. Тогда онъ монету,
 Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ хохотомъ въ
 бездну.

Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали изъ бездны.
 Вдругъ взгомозилися всѣ, и, толпяся, толкаясь, ползая
 Къ верху, когтистые, пылью металловъ покрытые пальцы
 Всѣ на меня растопорщивъ; вся пропасть, казалось, кипѣла;
 Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе.....
 Ужась меня одоумъ; давъ шпоры коню, безъ оглядки
 Я поскакалъ..... я не знаю, долго ль скакалъ; но, очнувшись
 Вижу, что нѣтъ никого; привидѣнья исчезли; прохладно
 Было въ лѣсу, и вечеръ уже наступилъ. Сквозь деревья
 Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ лѣсу въ городъ.
 Въѣхать спѣшу я на эту тропинку; но что-то събое,
 Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поминутно
 Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей, и мнѣ заслонило
 Путь: я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду,
 Тамъ и оно. Разсердившись скачу напроломъ; но павстрѣчу
 Прышетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обдавъ, и рвется
 Конь мой назадъ. Ослѣпленъ, промоченъ до костей, я бросаюсь
 Вправо и влѣво, но все не могу попасть на тропинку;
 Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
 Ѣхать обратно: за мной по пятамъ онъ, но смирень, я волю
 Путь продолжать мнѣ дѣетъ. Но лишь только оплѣть на тро-
 пинку

Въѣду, онъ тутъ, и опять заслонитъ ее, и холодной
 Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ поневолю я выбралъ
 Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ упорно.
 Онъ унялся; но все отъ меня не отсталъ, и за мною
 Блѣдно-туманнымъ столбомъ подвигался; когда же случилось
 Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что этотъ огромный
 Столбъ съ головой; что въ меня упирались тускло и зорко
 Съ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза, и кивала
 Всякой разъ голова, какъ-будто меня цоукая

Брать впередъ. Но порою мнѣ просто казалось, что этотъ Странный гонитель мой былъ лѣсной водопадъ. Наконецъ я, Выбравъ изъ лѣсу, здѣсь очутился, и встрѣтился съ вами, Добрые люди. Тогда пропалъ и упрямый мой спутникъ. Рыцарь кончилъ рассказъ свой. — Мы рады тебѣ, благородный Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и о томъ намъ подумать, Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ. — Ундина, услышавъ Эти слова, начала про себя тихою молкомъ смѣяться Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣтивъ, сказалъ ей :

Ундина,

Развѣ ты рада разлукѣ со мною? Чему ты смѣешься? — Я ужъ знаю, чему, отвѣчала Ундина. Отвѣдай Этотъ сердитый потокъ переплыть, верхомъ или на лодкѣ, Какъ угодно: апъ нѣтъ, не удастся! А моремъ? Давно я Знаю, что этого сдѣлать нельзя: и отецъ недалеко Въ море уходить съ лодкой своей! И такъ, оставайся Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ чему я смѣюсь. — Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобъ видѣть, такъ ли то было, Что говорила Ундина; всталъ и рыбакъ; а за ними Вслѣдъ и она. И подлинно, все опрокинуто было Бурей въ лѣсу; потокъ разлился и сталъ полуостровъ Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ и думать, и долженъ Былъ повсюду онъ ждать, пока въ берега не волеется Снова потокъ. Возвращаясь въ хижину рядомъ съ Ундиной, Опъ ей шепнулъ: — «Что скажешь, Ундиночка? Рада ль, что съ вами

Я остаюсь?» — Полно, полно, она проворчала, Бровки нахмуривъ: не вздумай тебя укусить я за палець, Ты бы не то рассказалъ намъ объ этой несносной Бертальдѣ.

Можетъ-быть, добрый читатель, тебѣ случалось въ жизни, Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо; гдѣ живущая въ каждомъ Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному миру, Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова ты видѣлъ Край родимый; и все обаянiя младости, блага, Первой чистой любви, на могилахъ минувшаго снова Въ прежней красѣ разцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая :

Здѣсь живется сладко, здѣсь мнѣ будетъ пріютно?
 Вспомнивъ такую минуту, когда очарованной думой
 Ты обнималъ безименное, тайное, счастье земное,
 Ты, читатель, поймешь, что долженъ былъ чувствовать ры-
 царь,

Вдругъ поселившись въ этомъ предѣлѣ, далеко отъ свѣта.
 Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ, какъ потокъ, сви-
 рѣпя,

День-ото-дня разширился, и островъ все далѣ и далѣ
 Рѣ море входилъ, разлучался съ твердой землею. Казалось
 Мірѣ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря стало
 Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ мудрецъ простодушный;
 Зная людей, извѣдавъ тревогу житейскую, бывши
 Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, на досугѣ онъ много
 Могъ рассказать про войну и про счастье несчастье земное;
 Словомъ, онъ былъ живая летопись; время безъ скуки
 Шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ и юношей,
 полнымъ

Пламенной жизни. Мудрость смиренная, прямо изъ жизни
 Взятая здравымъ разсудкомъ и вѣрою въ Бога, вливалась
 Въ душу Гульбранда и въ ней поселяла блаженную ясность.
 Бодрый старикъ промышлялъ по-прежнему рыбною ловлей.
 Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ, къ счастью, нашелся
 Старый доспѣхъ рыбака, самострѣлъ; его починивши,
 Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на охоту, а вечеръ
 Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ проводили, и полный
 Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ: въ запасъ
 Было вино и нерѣдко съ нимъ длилась бесѣда до поздней
 Ночи. Но мирной ихъ жизни была душою Ундина.

Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не входили, какимъ-то
 Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота херувимъ,
 Рѣзвость младенца, застѣпчивость дѣвы, причудливость
 Никсы,

Свѣжесть цвѣтка, порхливость сѣфиды, измѣчивость
 струйки.....

Словомъ, Ундина была несравненнымъ, мучительно милымъ,
 Чуднымъ, созданьемъ; и прелесть ея проникала, томила,
 Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
 Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою думой.

Но вертяный, проказливый нравъ и смѣшныя причуды
Ундины

Были подчасъ и докучливой мукой: за то и журили
Крѣпко ее старики; и тогда шалуныя такъ мило
Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала; потомъ такъ сердечно
Съ ними, раскаясь, мирилась; потомъ проказила снова, и снова
Ей доставалось, и все то было волшебною, тайной
Сѣтью, которою мало-по-малу опуталось сердце
Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлученъ; и съ каждою мыслью,
Съ каждыиъ чувствомъ слилась Ундина. Но, имъ обладая,
Той же силъ она и сама покорялась, хотя въ ней
Все осталось по прежнему, рѣзвость, причуды, упрямство,
Вздорныя выдумки, дѣтскія шалости, взбалмошный хохотъ;
Но Ундина любила — любила безопасно, какъ любить
Цитичка, летая средь чистаго неба. Старикъ и старушка,
Видя Ундины и рыцаря вмѣстѣ, невольно привыкли
Ихъ почитать женихомъ и невестой. И рыцарю также
Часто на мысль приходило, что въ мѣръ для него невозвратно
Входъ загражденъ, что съ людьми никогда ужъ ему не встрѣ-
чаться.

Если жъ случалось, что рыцаревъ конь, на свободѣ бродившій
По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуждалъ и какъ-будто
Спрашивалъ: скоро ли въ битву? — или если ему попадался
Брошенный щитъ на глаза, или праздно на стѣнкѣ висѣвшій
Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя, изъ ноженъ выдви-
гался

Въ звонкомъ паденьи — дума о славѣ, о подвигахъ бранныхъ
Душу его шевелила..... Но въ этой тревогѣ себя онъ
Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для него невозможенъ; къ
тому же

Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; словомъ, онъ гврилъ, что все то не случай, а Божій
Промыселъ, было; и такъ одинъ за другимъ непримѣтно
Дни уходили, ясныя, тихіе. Но и въ спокойномъ
Этомъ быту напоследокъ случилось разстройство: привыкли
Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, отъужинавъ, съ полнымъ
Кубкомъ, часъ другой проводить въ разговорѣ радушиемъ;
Вдругъ не стало вина; запасъ рыбака небогатый
Вышелъ; взять же новаго было негдѣ. Наморщивъ

Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ, а Ундина,
 Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скученъ и долготъ
 Былъ тотъ вечеръ, и рано всѣ разошлись. На другой день
 Около ужина вышла Ундина изъ хижины. Вы мнѣ
 Оба несносны, сказала она: не хочу я на ваши
 Длинныя лица смотреть и слушать вашу зввоту. —
 Съ этииъ словомъ, захлопнула двери и скрылась. А вечеръ
 Былъ ненастенъ, вѣтеръ шумѣлъ и море сердилось.
 Въ страхъ рыбакъ и рыцарь вскочили, вспомнивъ, какъ въ
 первый

Разъ они перепуганы были Ундиной. Но только
 Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ Ундина
 Ихъ навстрѣчу явилась сама. За мною! за мною
 Всѣ! закричала она: гостинецъ прислало намъ море;
 Бочка и вѣрно съ виномъ лежитъ на пескѣ. За Ундиной
 Всѣ пошли, и подлинно бочка нашлася: поспѣшно
 Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина, ее покатили
 Къ хижинѣ. Буря собиралась; сквозь сумерки было
 Видно, какъ на морѣ волны свои подымали съдыя
 Головы, дождь вызывалъ изъ тучъ; и тучи бѣжали
 Шибко и шумно, какъ-будто грозился напасть на идущихъ.
 Вотъ ужъ начали падать и первыя капли. Ундина
 Вдругъ повернула головку и, пальчикъ поднявши, сердито
 Ихъ погрозила тучѣ и ей закричала: смотри ты,
 Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ далеко до дома. —
 Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ: уймися, Ундина, грѣхъ!

И, умокнувъ,

Стала она про себя потихоньку смѣяться. Однако
 За-сухо всѣ добралися до мѣста; но только усѣли
 Бочку подъ кровлю поставить, и вскрыть, и отвѣдать какое
 Было вино въ ней, какъ дождь проливной зашумѣлъ, заша-
 тался

Со скрипомъ дерева, и море дико завывало. Но бурю
 Въ хижинѣ скоро забыли. За полными кружками снова
 Ужъ разошлись и ожили шутки; и этой бесѣдъ
 Прелесть двойною давалъ огонекъ, всегда столь пріятный
 Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря, во время
 Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ-будто что вспо-
 мнивъ,

Сталь задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту, сказалъ онъ:
Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ! мы здѣсь на досугъ
Шутимъ, и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся; а бѣдный
Прежній хозяинъ его, быть-можетъ, погнѣнъ и, волнами
Брошенный Богъ вѣсть куда, лишень погребенья. — При
этомъ

Словъ Ундины съ лукавой усмѣшкой подвинула кружку
Къ рыцарю. Пей, не бойся, она прошептала. Но рыцарь
За руку взявъ старика и воскликнулъ: я честью клянуся,
Если бъ могли мы его отыскать и спасти, то ночная
Буря мнѣ не была бы помѣхой; съ опасностью жизни
Я бы на помощь къ нему побѣжалъ. За то обещаюсь,
Если когда возвращуся въ край обитаемый, вдвое
Втрое ему или дѣтямъ его заплатить за прекрасный
Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ достался. —
Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одобренья;
Въ немъ успокоилась совѣсть, и съ большимъ вкусомъ до-
пилъ онъ

Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гульбранду: ты денегъ
Сколько угодно можешь за это вино разсорить: но бросаться
Въ воду, и жизни своей не жалѣть..... вотъ это ужъ глупо
Сказано было! Что же будетъ со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль, ты лучше съ
Ундиной,
Здѣсь останешься? — Правда, Ундиночка, рыцарь съ улыб-
кой

Ей отвѣчалъ. — Признайся жъ, что глупо сказалъ ты; вѣдь
каждый
Самъ себѣ ближе: и что до другихъ намъ?..... — Старушка,
услышавъ

Это, тѣшко вздохнула; а добрый рыбакъ, не стерпѣвши,
Началъ кричать на Ундину: у Турковъ, у нехристей, что
ли,

Выросла ты, прости мнѣ, Господи? Что за горячку
Снова ты намъ говоришь, грѣховодница? — Вдругъ замол-
чавши,

Робко Ундина прижалась къ Гульбранду; потомъ прошеп-
тала:

Что же такое, сказала я имъ? Ужъ и ты не сердитъ ли,